

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/15617793/475/9

Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда: социологический подход

Елена Игоревна Добролюбова¹, Елена Викторовна Масленникова^{2, 3}

^{1, 2} *Институт прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

³ *Государственный университет управления, Москва, Россия*

¹ *dobrolyubova-ei@ranepa.ru*

^{2, 3} *ev_maslennikova@guu.ru*

Аннотация. Аргументируется необходимость использования социологического подхода к оценке результативности государственного надзора в сфере охраны труда. На основе анализа результатов социологических опросов граждан и представителей предпринимательского сообщества показано, что хотя граждане стали реже сталкиваться с рисками в сфере безопасности на рабочем месте, реальный масштаб таких рисков не учитывается статистикой, что ограничивает эффект от внедрения риск-ориентированного надзора в сфере охраны труда.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, охрана труда, производственный травматизм, оценка рисков, социологический опрос

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

Для цитирования: Добролюбова Е.И., Масленникова Е.В. Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда: социологический подход // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/475/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/9

Evaluating the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety: A sociological approach

Elena I. Dobrolyubova¹, Elena V. Maslennikova^{2, 3}

^{1, 2} *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation*

³ *State University of Management, Moscow, Russian Federation*

¹ *dobrolyubova-ei@ranepa.ru*

^{2, 3} *ev_maslennikova@guu.ru*

Abstract. Introducing risk-based approaches, as well as moving from chasing violations to managing risks, has become a key trend in reforming state regulatory enforcement and inspection activities both in the developed and in transition countries, including Russia. Occupational safety is one of the areas where risk-based approaches have been actively implemented. Traditionally the outcomes of this reform are measured based on statistical data which is prone to underreporting. Therefore, the authors propose to use a sociological approach for such evaluation. The objective of the article is to evaluate the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety from the perspective of its final beneficiaries – citizens and businesses. The article is based on the results of representative citizen and business sociological surveys conducted by RANEPA in 2017–2021. Since the reform in occupational safety aims to minimize health risks, the key performance indicators from the citizen perspective include risk perceptions and risk cases' frequency. The results of the study demonstrate that while the percentage of respondents who encountered health risks in their workplaces during the 2 years preceding the survey has somewhat decreased (from 11.6 percent in 2018 to 8.1 percent in 2021), in most cases (64.8 percent in 2021) such risks were related to actual harm. Most of these cases remained unreported: only 16 percent of respondents who faced health risks related to occupational safety applied to the state authorities. The share of those applying to the state authorities has decreased compared to 2018 by 5.4 percentage points. Reluctance to apply to the state authorities is one of the reasons for a very significant gap between the risk frequency measured by the surveys and the one reported by official statistics with annual occupational injury rates of some 0.10–0.12 percent of the employed population. Such data gap suggests that the state regulatory enforcement bodies attempt to manage occupational safety risks that are significantly underestimated. This explains quite low perceptions of occupational safety among citizens (only some 41.1 percent of employed respondents rated the level of occupational safety in 2021 as very (rather) high). Business surveys reveal

negative trends in evaluating the impact of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety on reducing health risks. While in 2017 some 50.5 percent of respondents noted that such activities have a positive impact on reducing occupational health risks, in 2021 only some 28.6 percent shared this opinion. The article concludes that there is a need to revisit the current approaches to collecting and analyzing the data on occupational safety risk cases and professional diseases and broaden application of sociological methods for identifying and preventing occupational health risks.

Keywords: regulatory enforcement and inspection activities, occupational safety, industrial injuries, risk assessment, sociological survey

Financial Support: The article was funded by the state assignment on research and development studies to RANEPА.

For citation: Dobrolyubova, E.I. & Maslennikova, E.V. (2022) Evaluating the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety: A sociological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/9

Введение

С начала XXI в. органы государственного контроля как развитых [1, 2], так и развивающихся стран [3] все чаще переходят от тотального контроля к риск-ориентированным моделям в самых различных сферах: от безопасности продуктов питания [4] и других потребительских товаров [5] до коммунального хозяйства [6]. В 2014 г. риск-ориентированный подход был включен в состав передовых практик в сфере контрольно-надзорной деятельности ОЭСР [7], что стало дополнительным импульсом его дальнейшего внедрения, в том числе в сферу надзора за обеспечением безопасности труда на рабочем месте [8]. Немаловажную роль в продвижении данного подхода сыграла и Международная организация труда [9]. В российской практике внедрение риск-ориентированного подхода в сферу обеспечения безопасности на рабочем месте началось с 2016 г. [10] в рамках реализации приоритетной программы «Реформа контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации»¹.

С реализацией реформы контрольно-надзорной деятельности в сфере труда связывались значительные надежды по снижению административных издержек государства и бизнеса на контрольные мероприятия [11. С. 127]. Однако помимо улучшения предпринимательского климата важной целью реформы было и снижение рисков причинения вреда – производственного травматизма, смертности, а также распространения профессиональных заболеваний. Достижение этой цели в российском контексте особенно важно, поскольку, по оценкам на начало реформы, показатели смертности на производстве в России существенно превышали аналогичные показатели в странах ОЭСР [12].

Традиционно оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда проводится на основе статистических показателей. И такие данные по России демонстрируют положительную тенденцию: по данным Росстата, уровень производственного травматизма (в расчете на 1 000 работающих) сократился с 1,3 в 2015 г. до 1,2 в 2019 г. и 1,0 в 2020 г. Количество случаев производственного травматизма со смертельным исходом в расчете на 1 000 работающих снизилось с 0,067 в 2015 г. до 0,053 в 2019 г. и 0,045 в 2020 г.

Однако, как отмечают и зарубежные, и российские исследователи, в силу различных факторов и работы предприятий, и сами хозяйствующие субъекты могут быть заинтересованы в сокрытии случаев производственного травматизма [13. Р. 580; 14. С. 44], что приводит к занижению данных в рамках официальной статистики. На число выявленных случаев причинения вреда может влиять и масштаб контрольно-надзорной деятельности, который в 2020 г. был существенно ограничен в силу реализации противоэпидемических мер.

Так, по данным ГАС «Управление»², в ходе 137 353 проверок Роструда, проведенных в 2018 г., было выявлено 8 937 случаев причинения вреда жизни и здоровью граждан. В 2019 г. была проведена 131 141 проверка и выявлено 8 407 таких случаев, в 2020 г. – 70 153 проверки и 8 201 случай. Эти данные показывают, что со снижением числа проведенных проверок сокращается и количество выявленных случаев причинения вреда.

Поэтому для оценки результативности государственного надзора в сфере охраны труда представляется важным активно использовать и социологические данные, позволяющие выявить восприятие гражданами и бизнесом результативности государственного надзора в сфере охраны труда и его влияния на реальный уровень рисков в рассматриваемой сфере. В настоящей статье предпринята попытка проведения такой оценки.

Методический подход, исследовательские гипотезы и информационная база исследования

В зарубежной – а в последние годы и в отечественной – практике для оценки результативности государственного регулирования и надзора в сфере охраны труда все чаще используются социологические методы. Можно выделить следующие группы таких исследований:

– социологические исследования работников предприятий (прежде всего, занятых на опасных производствах) по оценке восприятия рисков жизни и здоровью, а также по выявлению факторов, влияющих на соблюдение требований техники безопасности [15–18];

– социологические опросы хозяйствующих субъектов, направленные на оценку уровня соблюдения

законодательства, результативности проверок [19], практик по обеспечению безопасности на рабочем месте [20] и влияющих на них факторов [21, 22];

– опросы инспекторов контрольно-надзорных органов с целью оценки результативности и иных параметров их деятельности [23];

– комплексные исследования, направленные на оценку ситуации в сфере безопасности на рабочем месте с разных позиций, например, с точки зрения инспекторов государственных органов и работников предприятий [24], с позиции государства и подконтрольных хозяйствующих субъектов [25], работников предприятий и ответственных за охрану труда [26]. К данному типу исследований можно отнести и опросы референтных групп (представителей работодателей и работников), проводимые Рострудом для оценки качества своей деятельности³, а также опросы инспекторов органов государственного контроля и представителей хозяйствующих субъектов для оценки первой практики применения чек-листов при проведении проверок⁴.

Поскольку в настоящем исследовании мы рассматриваем результативность государственного

надзора в сфере охраны труда с позиций конечных бенефициаров – граждан и бизнеса, для достижения цели исследования целесообразно использовать комплексный подход, предусматривающий сбор и анализ оценок как представителей предпринимательского сообщества, так и занятых граждан. При этом на основе оценки гражданами уровня своей защищенности от рисков, связанных с условиями труда и безопасностью на рабочем месте, и частотой столкновения с такими рисками можно оценить достижение конечных результатов государственного надзора в сфере охраны труда по защите охраняемых законом ценностей. Для оценки промежуточных результатов (вклада деятельности органов государственного контроля в снижение производственного травматизма и профессиональной заболеваемости) используются как оценки граждан (частота обращений в контрольно-надзорные органы при столкновении с рисками), так и оценки бизнеса, характеризующие влияние рассматриваемого вида государственного надзора в целом и конкретной проверки в частности на уровень рисков, а также уровень соблюдения законодательства в сфере охраны труда (рис. 1).

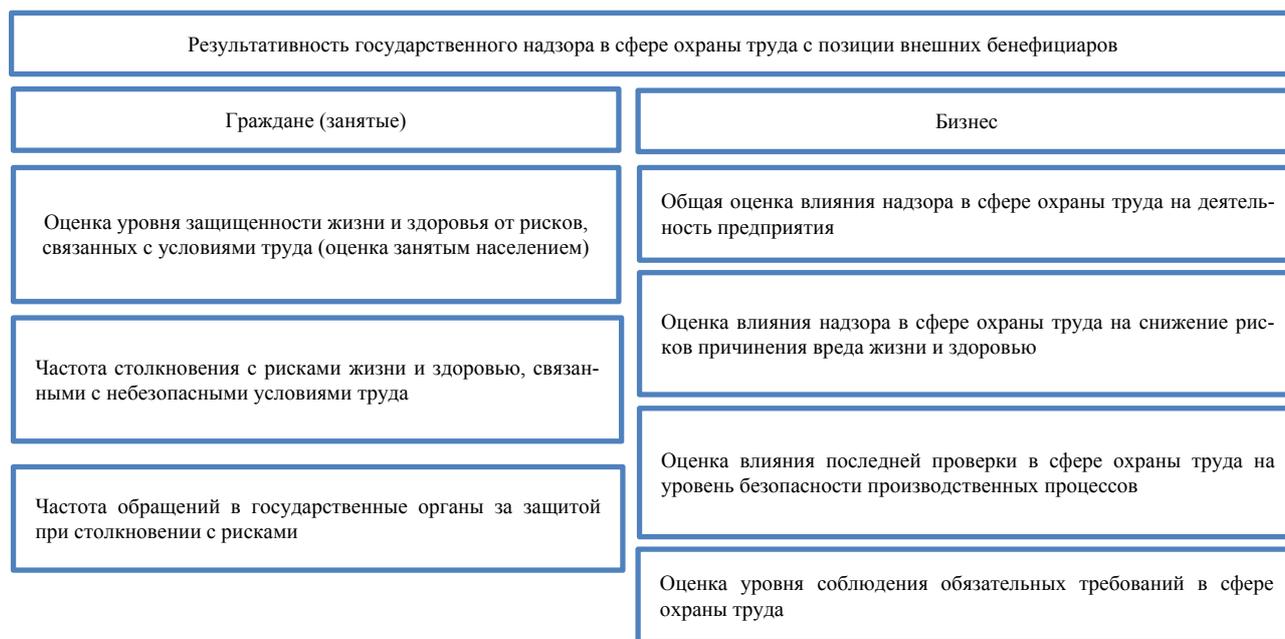

Рис. 1. Параметры оценки результативности государственного надзора в сфере охраны труда с позиции внешних бенефициаров

С учетом общих целей реформирования контрольно-надзорной деятельности, а также данных о динамике статистических показателей по производственному травматизму можно сформулировать две гипотезы, которые могут быть проверены в ходе исследования:

1. Оценка гражданами уровня защищенности жизни и здоровья от рисков, связанных с неблагоприятными условиями труда, повысилась, а частота столкновения с данными рисками снизилась.

2. Внедрение риск-ориентированного подхода к государственному надзору в сфере охраны труда привело к росту влияния контрольно-надзорных мероприятий на снижение рисков причинения вреда.

Источниками эмпирических данных для проведения исследования послужили результаты репрезентативных социологических опросов граждан и частных хозяйствующих субъектов, проведенных РАНХиГС в 2017–2021 гг. Методика и результаты опросов 2017–2020 гг. по всем видам государственного контроля и всем видам рисков⁵ приведены в [27]. Общая характеристика этих опросов и выборки, использованной для настоящего исследования, представлена в табл. 1.

Все рассматриваемые социологические опросы проводились методом формализованного интервью «лицом к лицу» с обязательным сохранением анонимности ответов респондентов.

Общая характеристика информационной базы исследования

Тип опроса	Опросы граждан	Опросы частных хозяйствующих субъектов
Характеристика респондентов	Граждане старше 18 лет независимо от факта столкновения с рисками причинения вреда	Представители частного бизнеса (руководители, их заместители, главные бухгалтера, специалисты по взаимодействию с государственными органами), в отношении которых в течение предшествующих опросу 2 лет проводились проверки органами государственного контроля
Метод построения выборки	Многоступенчатая квотная выборка, репрезентирующая расселение населения, со случайным отбором респондентов на последнем этапе	Многоступенчатая квотная выборка, репрезентирующая численность зарегистрированных частных организаций и ИП по регионам и видам деятельности, со случайным отбором респондентов на последнем этапе. Представители ИП и организаций малого бизнеса составили 90–94,6% от числа респондентов в разные годы
Географический охват	2018 г. – 28 субъектов РФ, 2019–2021 гг. – 35 субъектов РФ, расположенных во всех федеральных округах	28 субъектов РФ, расположенных во всех федеральных округах
Сроки проведения и объем выборки	2018 г. – 1010 чел., 2019, 2020 и 2021 гг. – 2000 чел.	2017, 2020 и 2021 гг. Общий объем выборки – 1000 представителей хозяйствующих субъектов. Респонденты самостоятельно выбирали вид государственного контроля (надзора) для оценки, при этом надзор в сфере охраны труда и трудовых отношений был одним из наиболее массовых. В 2017 г. его оценили 204 респондента, в 2020 г. – 201, в 2021 г. – 154 респондента.

Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда с позиции граждан

Результаты социологических исследований граждан показывают, что за последние годы они стали несколько реже сталкиваться с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте. Если в 2018 г. о том, что с такими рисками в течение последних двух лет, предшествовавших опросу (т.е. 2016–2017 гг.), сталкивались сами граждане или члены их семей, сообщали 11,6% респондентов, то по итогам последнего исследования доля таких респондентов составила 8,1% (табл. 2). Мужчины сталкивались с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте чаще, чем женщины (10,1 и 6,5% соответственно).

В большинстве случаев (по итогам опроса 2021 г. – 64,8% опрошенных от числа сталкивавшихся с риска-

ми) респонденты сталкивались не с угрозами, а с фактами причинения вреда жизни и здоровью в связи с небезопасными условиями труда. По итогам опросов прошлых лет доля таких респондентов варьируется от 62,9 до 70,9% от общего числа опрошенных, сталкивавшихся с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте.

При этом в подавляющем большинстве случаев граждане не обращались в контрольно-надзорные органы (Роструд и другие) при столкновении с такими рисками. Более того, частота обращений за защитой в государственные органы за последние несколько лет снизилась с 21,4% по итогам опроса 2018 г. до 16% по итогам опроса 2021 г. Таким образом, выявлена тенденция снижения востребованности органов государственного контроля среди граждан для защиты от рисков, связанных с угрозами и фактами причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте.

Т а б л и ц а 2

Результативность государственного надзора в сфере охраны труда с позиции граждан

Показатель	Год опроса			
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Доля респондентов, положительно оценивающих уровень защищенности жизни и здоровья на рабочем месте*, % от числа занятых респондентов	42,7	41,1	38,8	41,1
Численность занятых респондентов, чел.	641	1218	1340	1336
Доля респондентов, сталкивавшихся с рисками причинения вреда жизни и здоровью в связи с небезопасными условиями труда за 2 года, предшествующие опросу, %	11,6	7,2	6,6	8,1
Доля респондентов, сталкивавшихся с фактами причинения вреда жизни и здоровью в связи с небезопасными условиями труда, в общем числе респондентов, сталкивавшихся с такими рисками за 2 года, предшествующие опросу, %	70,9	62,9	69,5	64,8
Доля респондентов, обратившихся в органы государственного контроля за защитой, % от общего числа сталкивавшихся с рисками причинения вреда в сфере безопасности на рабочем месте	21,4	14,7	14,5	16,0

* Рассчитано в процентах от занятых респондентов.

Низкая частота обращений за защитой в органы государственного контроля приводит к тому, что значительная часть случаев причинения вреда остается неучтенной, а влияние органов государственного контроля (прежде всего, Роструда) на минимизацию рис-

ков снижается. Об этом свидетельствует и значительный разрыв между частотой столкновения с рисками, полученный в ходе опросов, и данными статистики.

Так, по итогам опроса 2021 г. 8,1% респондентов сталкивались с рисками, а 64,8% таких случаев связа-

ны с фактом причинения вреда, что при численности занятых в 72,3 млн человек дает примерно 3,8 млн случаев причинения вреда за 2 года. При этом, по данным ГАС «Управление» за 2019–2020 гг., Роструд зафиксировал лишь 16,6 тыс. случаев причинения вреда жизни и здоровью граждан поднадзорными объектами⁶, а по данным Росстата, численность пострадавших от случаев травматизма на производстве за тот же период составила 43,8 тыс. человек, численность лиц, у которых были впервые установлены профессиональные заболевания, – 11,1 тыс. человек. Таким образом, социологические данные подтверждают наличие проблемы значительного недоучета рисков в сфере безопасности на рабочем месте в официальной статистике, отмечаемой и в других исследованиях [13, 14].

На этом фоне неудивительно, что общая оценка гражданами уровня защищенности жизни и здоровья от рисков, связанных с небезопасными условиями труда, не претерпела за последние годы существенных изменений: если в 2018 г. 42,7% занятых граждан оценивали уровень своей защищенности на рабочем месте как высокий или скорее высокий, то в 2021 г. с такой оценкой согласились 41,1% опрошенных. Таким образом, первую гипотезу исследования можно подтвердить лишь частично: несмотря на снижение частоты столкновений с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте, большинство занятых граждан считает уровень своей защищенности от таких рисков недостаточным, и положительных тенденций роста этих оценок не наблюдается.

Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда с позиции бизнеса

Результаты опросов частных хозяйствующих субъектов показывают, что государственный надзор в сфере охраны труда и трудовых отношений является одним из наиболее массовых: с проверками в рамках этого вида надзора сталкивались более трети респондентов

(42,5% по итогам опроса 2017 г., 37,9% – 2020 г., 36,4% – 2021 г.). Чаще предприниматели сталкиваются только с налоговыми проверками, а также проверками, проводимыми в рамках противопожарного и санитарно-эпидемиологического надзора.

Интенсивность контрольно-надзорных мероприятий предопределяет и восприятие бизнесом данного вида государственного надзора как создающего административные барьеры (к числу наиболее проблемных надзор в сфере охраны труда стабильно относит около 11% опрошенных, данный вид находится на 4-м месте по уровню проблемности). При этом предприниматели все реже отмечают трудовые проверки среди видов государственного контроля, оказывающих наибольшее влияние на повышение безопасности качества продукции, производственных процессов: если в 2017 г. такой позиции придерживались 11,3% опрошенных предпринимателей, то в 2021 г. – лишь 5,9% респондентов.

Сопоставление результатов опросов показывает, что если в 2017 г. более половины представителей предприятий, в отношении которых за предшествующие опросу два года проводились проверки в сфере охраны труда и трудовых отношений, отмечали положительное влияние государственного надзора в сфере охраны труда на снижение рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан (средняя оценка по всем видам контрольно-надзорной деятельности составляла 47,6%), то по итогам опроса 2021 г. такой позиции придерживалось уже менее трети (28,6%) респондентов (рис. 2).

Снижается и доля респондентов, отметивших, что последняя проверка в сфере охраны труда и трудовых отношений привела к повышению безопасности производственных процессов. Если по итогам опроса 2017 г. о таком влиянии заявляли 37,3% респондентов, в отношении деятельности которых проводились проверки в сфере охраны труда и трудовых отношений, то в 2021 г. – 27,9% респондентов.

Рис. 2. Доля респондентов, отметивших влияние государственного надзора на снижение рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан, % от числа респондентов, в отношении которых проводились проверки в рамках соответствующих видов государственного надзора

По результатам социологического опроса 2021 г., 43,5% проверок в сфере трудового надзора, проведенных в отношении их предприятий, выявили нарушения. В 7,8% случаев как минимум часть нарушений носила серьезный характер и представляла угрозу причинения вреда. По сравнению с опросом 2017 г. частота выявления нарушений снизилась (в 2017 г. нарушения выявлялись по итогам 55,4% проверок, однако грубые нарушения встречались реже – в 4,4% случаев).

Улучшение уровня соблюдения законодательства в рассматриваемой сфере коррелирует с ростом информированности бизнес-сообщества об обязательных требованиях: если по итогам опроса 2017 г. 57,9% представителей бизнеса оценивали уровень своей информированности о содержании обязательных требований в сфере охраны труда и трудовых отношений как высокий или скорее высокий, то в 2021 г. такую оценку дали уже 70,8% опрошенных.

Официальная статистика также свидетельствует о постепенном сокращении числа проверенных лиц, в деятельности которых по результатам проверок были выявлены нарушения (с 81,8% в 2015 г. до 69,6% в 2020 г.⁷), однако существенных колебаний в частоте выявления грубых нарушений не отмечается. Более низкая частота выявления нарушений по итогам социологического опроса может быть связана как со спецификой социологических методов исследования (нежеланием респондентов делиться информацией о выявленных нарушениях и, соответственно, завышением оценки уровня соблюдения законодательства по сравнению с реальной ситуацией), так и с восприятием представителями бизнес-сообщества некоторых иных видов контрольных мероприятий, не относимых к проверкам и не учитываемых в официальной статистике (например, административных расследований, рейдов, контрольных закупок) как проверки.

Приведенные данные показывают, что вторая гипотеза о росте вклада государственного надзора в сфере охраны труда в минимизацию рисков жизни и здоровью на рабочем месте пока должна быть отвергнута. По оценкам бизнеса, как общее влияние данного вида контрольно-надзорной деятельности, так и влияние конкретных проверок на уровень безопасности производственных процессов снижается. Большинство выявляемых в ходе проверок нарушений по-прежнему не связано с угрозами жизни и здоровью граждан.

Заключение

Представленный в статье анализ результатов социологических исследований показывает, что хотя

граждане стали реже сталкиваться с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте, реальные масштабы рисков в сфере безопасности на производстве значительно недооценены в официальной статистике и административных данных Роструда. Это существенно ограничивает возможности внедряемого риск-ориентированного подхода: система управления рисками оперирует лишь теми случаями причинения вреда, которые зафиксированы официально, тогда как большинство таких случаев не учитывается в статистике. В этих условиях неудивительно, что большинство занятых граждан оценивают уровень своей защищенности от рисков, связанных с небезопасными условиями труда, как недостаточный, а бизнес все реже отмечает влияние проверок и иных контрольно-надзорных мероприятий Роструда на реальное снижение рисков и повышение безопасности производственных процессов.

Представляется, что решение этой проблемы связано, прежде всего, с существенным пересмотром подходов к сбору и учету данных о фактах причинения вреда на производстве и производственных заболеваниях для своевременного выявления и предотвращения угроз причинения вреда жизни и здоровью граждан на рабочем месте. Очевидно, что ни хозяйствующие субъекты, ни учреждения здравоохранения не заинтересованы в фиксации случаев производственного травматизма и профессиональных заболеваний. Бизнес обоснованно опасается штрафов, а на медицинские учреждения при постановке соответствующих диагнозов накладываются дополнительные требования по отчетности. Поэтому важно существенно упростить порядок обращения граждан в органы государственного контроля при столкновении с рисками причинения вреда жизни и здоровью и использовать такую «обратную связь» для совершенствования системы управления рисками в рамках государственного контроля.

Важно отметить, что реализация такого подхода неминуемо приведет к существенному ухудшению статистики производственного травматизма и заболеваемости и, как следствие, снижению оценки результативности деятельности Роструда и реализуемых им программ и проектов. Для преодоления возможных рисков противодействия важно, с одной стороны, расширять состав показателей, учитываемых при оценке результативности государственного надзора в сфере охраны труда (в том числе, на основе использования социологических методов), а с другой – расширять возможные источники данных для проведения такого мониторинга и оценки.

Примечания

¹ URL: <http://government.ru/projects/selection/655/> (дата обращения: 11.01.2022).

² URL: <https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11824> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Информация об оценке представителями референтных групп качества и эффективности осуществления Рострудом своей деятельности, 2019 год. URL: <https://rostrud.gov.ru/openrostrud/884551.shtml> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Отчет по результатам анализа практики применения проверочных листов (списков контрольных вопросов), используемых при проведении плановых проверок. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/content/18359/doklad-chek-listy-28final-29-1-pdf.pdf> (дата обращения: 12.01.2022).

⁵ В рамках социологических опросов граждан, наряду с рисками безопасности на производстве, рассматривались риски общественной безопасности, безопасности продовольственных и непродовольственных товаров, работ и услуг, риски безопасности зданий и сооружений,

экологические риски, безопасности в сфере медицинских и финансовых услуг, транспортной безопасности, а также безопасности персональных данных.

⁶ URL: <https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11824> (дата обращения: 12.01.2022).

⁷ URL: <https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11824> (дата обращения: 12.01.2022).

Список источников

1. Cordova-Novion C., Sahovic T. *Inspection Reforms: Do Models Exist?* Washington DC : World Bank, 2011.
2. Monk J. *Reform of Regulatory Enforcement and Inspections in OECD Countries*. Paris : OECD Publishing, 2012.
3. Blanc F. Moving away from total control in former communist countries – the RRR in inspections, and lessons learned from reforming them // *European Journal of Risk Regulation*. 2012. Vol. 3, № 3. P. 327–342.
4. Müller B., Verhaelen K., Eberlein V., Ülker Celik B., Butzenlechner M., Busch U., Weidner C., Holtmannspötter H., Gilsbach W., Wallner P. Establishment of an early warning system for the detection of food-borne risks in Bavaria – Risk-oriented food monitoring stretched further [Etablierung eines Frühwarnsystems zur Erkennung lebensmittelbedingter Risiken in Bayern – risikoorientierte Lebensmittelüberwachung weiter gefasst] // *Journal für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit*. 2016. Vol. 1, № 11. P. 9–18.
5. Gaevskiy I.V., Zaitseva N.V., May I.V., Karymbaeva S.T., Sychik S.I., Fedorenko E.V. On methodical support for risk-oriented surveillance over consumer products safety on the unified economic territory of the Eurasian Economic Union // *Health Risk Analysis*. 2019. № 1. P. 4–16.
6. Fuchs-Hanusch D., Friedl F., Möderl M., Sprung W., Plihal H., Kretschmer F., Ertl T. Risk and performance oriented sewer inspection prioritization // *World Environmental and Water Resources Congress 2012: Crossing Boundaries*. Proceedings of the 2012 Congress. 2012. P. 3711–3723.
7. OECD Regulatory Enforcement and Inspections, *OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy*. Paris : OECD Publishing, 2014.
8. Blanc F., Escobar Pereira M. Risks, Circumstances and Regulation – Historical development, diversity of structures and practices in Occupational Safety and Health inspections // *Safety Science*. 2020. Vol. 130. Article № 104850. doi: 10.1016/j.ssci.2020.104850
9. Истомин Е.А., Федорова М.Ю. Роль МОТ в развитии риск-ориентированного подхода к правовому регулированию в сфере труда и социального обеспечения // *Российский юридический журнал*. 2020. № 5 (134). С. 185–201.
10. Кузнецова Е.А. Сравнительный анализ моделей государственного управления охраной труда // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 4. С. 214–242
11. Поздняков А.Н. Анализ эффективности надзорной деятельности в сфере охраны труда в Российской Федерации // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2018. № 41. С. 127–144. doi: 10.17223/19988648/41/9
12. Добролюбова Е.И. Международный опыт оценки результативности и эффективности государственного контроля в сфере охраны труда и обеспечения безопасности на рабочем месте // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 2. С. 96–110.
13. Probst T.M., Graso M. Pressure to produce = pressure to reduce accident reporting? // *Accident Analysis and Prevention*. 2013. Vol. 59. P. 580–587.
14. Карауш С.А., Сенченко В.А., Герасимова О.О. Эффективность государственного надзора за охраной труда в России // *Охрана труда и техника безопасности на промышленных предприятиях*. 2019. № 6. С. 44–49.
15. Williamson A.M., Feyer A.-M., Cairns D., Biancotti D. The development of a measure of safety climate: The role of safety perceptions and attitudes // *Safety Science*. 1997. Vol. 25, № 1–3. P. 15–27.
16. Fogarty G.J., Shaw A. Safety climate and the Theory of Planned Behavior: Towards the prediction of unsafe behavior // *Accident Analysis and Prevention*. 2010. Vol. 42, № 5. P. 1455–1459.
17. Bhandari S., Hallowell M.R. Influence of safety climate on risk tolerance and risk-taking behavior: A cross-cultural examination // *Safety Science*. 2022. Vol. 146. Article № 105559. DOI: 10.1016/j.ssci.2021.105559
18. Соломин М.С. Профессиональный риск: «избежать нельзя, принять» (на примере работников угольных предприятий Новокузнецка) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. Т. 159, № 5. С. 430–448. doi: 10.14515/monitoring.2020.5.1666
19. Isik I.N., Atasoylu E. Occupational safety and health in North Cyprus: Evaluation of risk assessment // *Safety Science*. 2017. Vol. 94. P. 17–25. DOI: 10.1016/j.ssci.2016.12.020
20. Sinclair R.C., Cunningham T.R. Safety activities in small businesses // *Safety Science*. 2014. Vol. 64. P. 32–38.
21. Mazlina Z.M., Hadikusumo B.H.W. Structural equation model of integrated safety intervention practices affecting the safety behaviour of workers in the construction industry // *Safety Science*. 2017. Vol. 98. P. 124–135.
22. Ashby S.G., Diacon S.R. Motives for occupational risk management in large UK companies // *Safety Science* 1996. Vol. 22, № 1–3. P. 229–243.
23. Niskanen T. Investigation into qualitative discourses of the occupational safety and health inspectors in order to promote enforcement // *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*. 2015. Vol. 21, № 4. P. 426–439.
24. Niskanen T., Louhelainen K., Hirvonen M.L. An evaluation of the effects of the occupational safety and health inspectors' supervision in workplaces // *Accident Analysis and Prevention*. 2014. Vol. 68. P. 139–155.
25. Geminiani F.L., Smallwood J.J., Fee S. A comparative analysis between contractors' and inspectors' perceptions of the department of labour occupational health and safety inspectorate relative to South African construction // *Safety Science*. 2013. Vol. 53. P. 186–192.
26. Wachter J.K., Yorio P.L. A system of safety management practices and worker engagement for reducing and preventing accidents: An empirical and theoretical investigation // *Accident Analysis and Prevention*. 2014. Vol. 68. P. 117–130.
27. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Результативность и эффективность контрольно-надзорной деятельности государства: мнение бизнеса и граждан. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.

References

1. Cordova-Novion, S. & Sahovic, T. (2011) *Inspection Reforms: Do Models Exist?* Washington DC: World Bank.
2. Monk, J. (2012) *Reform of Regulatory Enforcement and Inspections in OECD Countries*. Paris: OECD Publishing.
3. Blanc, F. (2012) Moving away from total control in former communist countries – the RRR in inspections, and lessons learned from reforming them. *European Journal of Risk Regulation*. 3 (3). pp. 327–342.
4. Müller, B. et al. (2016) Establishment of an early warning system for the detection of food-borne risks in Bavaria – Risk-oriented food monitoring stretched further [Etablierung eines Frühwarnsystems zur Erkennung lebensmittelbedingter Risiken in Bayern – risikoorientierte Lebensmittelüberwachung weiter gefasst]. *Journal für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit*. 1 (11). pp. 9–18.
5. Gaevskiy, I.V. et al. (2019) On methodical support for risk-oriented surveillance over consumer products safety on the unified economic territory of the Eurasian Economic Union. *Health Risk Analysis*. 1. pp. 4–16.
6. Fuchs-Hanusch, D. et al. (2012) Risk and performance oriented sewer inspection prioritization. *World Environmental and Water Resources Congress 2012: Crossing Boundaries*. Proceedings of the 2012 Congress. New Mexico. pp. 3711–3723.
7. OECD Regulatory Enforcement and Inspections. (2014) *OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy*. Paris: OECD Publishing.
8. Blanc, F. & Escobar Pereira, M. (2020) Risks, Circumstances and Regulation – Historical development, diversity of structures and practices in Occupational Safety and Health inspections. *Safety Science*. 130. Article 104850. DOI: 10.1016/j.ssci.2020.104850

9. Istomina, E.A. & Fedorova, M.Yu. (2020) The ILO's role in the development of a risk-based approach to the legal regulation of labour and social security. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5 (134). pp. 185–201. (In Russian).
10. Kuznetsova, E.A. (2020) Comparative Analysis of State Occupational Safety and Health Management Models. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 4. pp. 214–242. (In Russian).
11. Pozdnyakov, A.N. (2018) Analysis of the effectiveness of supervisory activities in the field of labor protection in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 41. pp. 127–144. (In Russian). DOI 10.17223/19988648/41/9
12. Dobrolyubova, E.I. (2016) International experience in evaluating effectiveness of public control in occupational safety. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 96–110. (In Russian).
13. Probst, T.M. & Graso, M. (2013) Pressure to produce = pressure to reduce accident reporting? *Accident Analysis and Prevention*. 59. pp. 580–587.
14. Karaush, S.A., Senchenko, V.A. & Gerasimova, O.O. (2019) Effectiveness of state monitoring of occupational safety in Russia. *Okhrana truda i tekhnika bezopasnosti na promyshlennyykh predpriyatiyakh – Labor Protection and Safety at the Industrial Enterprises*. 6. pp. 44–49. (In Russian).
15. Williamson, A.M. et al. (1997) The development of a measure of safety climate: The role of safety perceptions and attitudes. *Safety Science*. 25 (1–3). pp. 15–27.
16. Fogarty, G.J. & Shaw, A. (2010) Safety climate and the Theory of Planned Behavior: Towards the prediction of unsafe behavior. *Accident Analysis and Prevention*. 42 (5). pp. 1455–1459.
17. Bhandari, S. & Hallowell, M.R. (2022) Influence of safety climate on risk tolerance and risk-taking behavior: A cross-cultural examination. *Safety Science*. 146. Article 105559. DOI: 10.1016/j.ssci.2021.105559
18. Solomin, M.S. (2020) Professional risk: “You cannot avoid it, you have to accept it” (A case of coal mine workers in Novokuznetsk). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Public Opinion Monitoring*. 159 (5). pp. 430–448. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1666
19. İşık, İ.N. & Atasoylu, E. (2017) Occupational safety and health in North Cyprus: Evaluation of risk assessment. *Safety Science*. 94. pp. 17–25. DOI: 10.1016/j.ssci.2016.12.020
20. Sinclair, R.C. & Cunningham, T.R. (2014) Safety activities in small businesses. *Safety Science*. 64. pp. 32–38.
21. Mazlina, Z.M. & Hadikusumo, B.H.W. (2017) Structural equation model of integrated safety intervention practices affecting the safety behaviour of workers in the construction industry. *Safety Science*. 98. pp. 124–135.
22. Ashby, S.G. & Diacon, S.R. (1996) Motives for occupational risk management in large UK companies. *Safety Science*. 22 (1–3). pp. 229–243.
23. Niskanen, T. (2015) Investigation into qualitative discourses of the occupational safety and health inspectors in order to promote enforcement. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*. 21 (4). pp. 426–439.
24. Niskanen, T., Louhelainen, K. & Hirvonen, M.L. (2014) An evaluation of the effects of the occupational safety and health inspectors' supervision in workplaces. *Accident Analysis and Prevention*. 68. pp. 139–155.
25. Geminiani, F.L., Smallwood, J.J. & Fee, S. (2013) A comparative analysis between contractors' and inspectors' perceptions of the department of labour occupational health and safety inspectorate relative to South African construction. *Safety Science*. 53. pp. 186–192.
26. Wachter, J.K. & Yorio, P.L. (2014) A system of safety management practices and worker engagement for reducing and preventing accidents: An empirical and theoretical investigation. *Accident Analysis and Prevention*. 68. pp. 117–130.
27. Yuzhakov, V.N. et al. (2021) *Rezultativnost' i effektivnost' kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti gosudarstva: mnenie biznesa i grazhdan* [Efficiency and effectiveness of state control and supervision activities: the opinion of business and citizens]. Moscow: Izdatel'skiy dom “Delo”, RANEPa.

Информация об авторах:

Добролюбова Е.И. – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

Масленникова Е.В. – канд. социол. наук, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Государственного университета управления (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: ev_maslennikova@guu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.I. Dobrolyubova, Cand. Sci. (Economics), leading researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

E.V. Maslennikova, Cand. Sci. (Sociology), head of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management (Moscow, Russian Federation); leading researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: ev_maslennikova@guu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.